

*Я начал адаптировать практики шаманов
к условиям современного городского жителя.*

А. В. Коробейщиков, «Городской охотник»

*Охотник внимательно смотрит по сторонам
и прислушивается к своим чувствам.*

А. В. Коробейщиков, «Тай-Шин»

Андрей Коробейщиков пишет, издается, публикуется, проводит авторские тренинги и осуществляет экспедиции ЭКЗО-Т с начала нулевых годов. В алтайском литературоведении неоднократно обсуждались проблемы авторской стратегии и геопоэтики Коробейщикова (в том числе и нами — Н. З.). Главный вектор, объединяющий исследования, — мифотворческий.

Создавая персональный «миф об Алтае», автор книг-мистерий «ИТУ-ТАЙ», «Камкурт», «Проводник», «Метанойя» и других осуществляет в большей или меньшей степени реинтерпретацию «охотничьей философии», идеология и сюжетология которой составляет, на наш взгляд, архетипически инвариантную базу писательского и биографического мифотворчества А. В. Коробейщикова, равно как и отличает алтайского писателя от всей «посткастанедовской» традиции (до «их» Д. Милмена «Мирного война» и «нашего» В. Серкина «Хохота шамана» и «Звезд шамана»).

В книге «Торанг» (2011) читатель обнаруживает легенду об охотниках-шаманах, издревле охраняющих Алтай, чья философия жизни и реконструируется героем-рассказчиком, выбравшим вернуться в город и «применить» в социуме полученные у таинственных мастеров-«тайшинов» знания и опыт. Легенда завершается так: «Два рода шаманов, один из которых соотносился с наследниками Светлой Расы, а другой — с Сумеречным народом, объединились, чтобы сохранить бодрость духа во время разгула Тьмы на планете. Они назвали себя ТАЙ-ШИН — «Свободные Волки», исконные противники нечисти и охотники в таежных сумерках... Тайшины смогли сохранить внутреннее намерение деревянного оружия (торанга — Н. З.), которое перекликается с постулатами охотников-шаманов: «Цель охотника не обязательно жизнь другого существа. Если есть возможность избежать крови, Охотник будет добывать то, что дает Земля и Лес».

Автор бережно-охотничьей стратегии жизни современного городского человека не устает напоминать своему читателю о том, что понятие об «удачной охоте» у современников далеко от глубокой мистерии охотников-шаманов, для них «Охота — это прежде всего взаимодействие с Великим Духом», в процессе которого раскрываются истинные отношения зверя и человека, — «Тропа Жизни, где воплощенные сущности преподносят друг другу Дары».

Охотничья этика, к основам которой обращают неомифологические истории А. Коробейщикова, свидетельствует о незыблемых правилах, проявляющих отношение к охоте: «Лесные Странники берут всегда ровно столько, сколько необходимо... Дух Леса не пошлет никого из своих клыкастых и ядовитых посыльных,

чтобы забрать жизнь охотника раньше времени, потому что между человеком и Лесом существует невидимое равновесие, которое необходимо соблюдать».

В атрибуции «охотничьего сюжета» предметно-вещный символизм приобретает особое значение и деревянный «торанг», обладающий внешним и внутренним потенциалом силы тотема, проявляет его ритуальный характер: через него легендарные герои-охотники взывают к своим Хранителям и просят удачи на Охоте, а после через него же благодарят за удачную охоту. Претекстом к охотничьим сюжетам А. Коробейщикова неизменно становится некая «Зеленая Книга Охотника», в которой в частности сказано, что «настоящее оружие не создано для чужих глаз. Оно должно быть на виду, но не бросаться в глаза... Оружие, про которое знают все, рано или поздно попросит крови. Оружие, про которое не знает никто, может стать чем-то другим».

Так, в концепции городской охоты проявляется одной из составляющих применение «предметов Силы».

Однако отметим, что «местом Силы» и «охотничьими угодами» становится для героя романов А. Коробейщикова именно город. Герой романа «Х» (2009) воссоздает в своем сознании ощущение двух городов-антиподов: «Москва. Гул метрополитена под землей. Призрачное мерцание компьютеров в офисах... Мрачное низкое небо, нависшее плотным пологом над головами поздних прохожих. Ощущение тяжести клинка, вибрирующего в ножнах, словно уговаривающего своего хозяина выпустить его на свободу... Барнаул. Ветхие дома старых кварталов, окутанные дымом костров на обочине дорог. Далекий лай собак... гул колоколов в церквях... Город на грани яви и сновидений». Старый Барнаул — частое место персональной охоты героев романов А. Коробейщикова. Имя города, переводимое как «Волчья Река», запускает в сознании героя романа «Пустенье» цепную реакцию видений-ощущений: «Максим, внимательно смотревший на окружающие дома и деревья, вдруг понял, что они уже были здесь сегодня, и причем не один раз. Данилыч словно водил их по кругу... Максим расфокусировал взгляд и стал, не торопясь,

изучать окружающий их город... у него не было ощущения, что он находится в сновидении. Мир вокруг не был зыбким, текучим. Значит, основной «переход» еще впереди».

«—Что это было?

— «Другой» Барнаул... Кто-то назвал бы его «эфирным»...

— А почему такое смешение стилей? Деревянные дома с резными узорами, похожие на славянские избы, и алтайские айлы одновременно?

Данилыч поднял вверх руку с отставленным указательным пальцем.

— Вот! Это и есть переходный момент, осознав который ты сможешь собрать все дремлющие во времени части самого себя, соединить их воедино, проследить свою связь с этим местом, этим городом...»

Важно, что основной охотой для чуткого к мистериальному смыслу и замыслу героя становится он сам. Его внутреннее пространство, его сны и мысли. По Коробейщикову, человека, который вознамерился вернуть себе «равновесие» и называют в традиции «тайшин» (воином-охотником) и «аши» (воином-ребенком), который может позволить себе не бояться окружающего мира, потому что «война уже закончилась». Эта — главная — охота названа в «Городском охотнике» Охотой на Лики. Эпиграфом к одноименной главе не случайно приводится цитата из «Воина Света» П. Коэльо об осмысленном и внимательном совершении всего того, что мы делаем бессознательно: «дышать, моргать, замечать окружающее».

Нетипичное состояние ума «охотника» (сегодня мы бы сказали — состояние фиксации внимания на «здесь и сейчас») видится автору необходимым условием удачной охоты. Кажется, принципиально в идейно-методологическом и структурно-семиотическом аспектах здесь А. Коробейщиков не расходится с современной психологической наукой, утверждающей, что это не мы, а наш мозг играет в социальные игры, он, а не мы, выстраивает отношения с другими людьми. «Нам кажется, что это наша игра. А на самом деле это игра с нами, и мы сами — плод этой игры».

Книга «Торанг», напомним, не художественная, как большинство произведений А. Коробейщикова, она скорее — «инструкция пользователю» торанга. В связи с чем и авторский нарратив охоты смещен в пространство психофизиологии, а тело городского охотника, состоящее из «воспринимающей материи», само вырабатывает «язык», с помощью которого охотник улавливает «тончайшие вибрации окружающего пространства и переводит их в материальную информацию».

Этот способ контакта с Городом в «инструкции» для городского охотника назван «методом сенсорного осознания», а конкретные приемы и методики («Внутренний Свет», «Лапа Волка» и другие) составляют содержание книги А. Коробейщикова «Городской охотник. Внутренняя сила и интуиция», вышедшей в 2004 году в Барнауле. За 15 лет до того, как интерес к этой теме проявился в массовой культуре и литературе, Андрей Коробейщиков, выстраивая концепцию городской охоты, пишет в главе «Война» о «вирте» как основном способе нашего взаимодействия с миром, ставя под сомнение саму реальность его существования: «Но так как этот мир стал постоянным местом нашего обитания, и нам пришлось находиться в нем постоянно, то наше сознание, несмотря на все наши старания вытеснить окружающий мир в подсознание, придумало его альтернативу. Оно создало обширное виртуальное пространство, куда сместило фокус нашего осознания. Так мы закрылись от окружающего мира в прочных стенах виртуального кинотеатра, где непрерывно стали сами себе прокручивать увлекательные видеофильмы... Не успев родиться, мы стали виртуальными существами, прячущимися от мира». К слову заметим, что кинопоэтика А. Коробейщикова — отдельная тема для исследования, учитывая тот факт, что тексты его романов буквально «просятся» быть экранизированными, остается удивляться, что до сих пор этого не произошло. Впрочем «игра» (ритуальность, театрализация, телесность) в художественном мире и авторском мифе А. Коробейщикова противопоставлена «кино-вирту» (страху смерти, суррогатам социальности, фильмам и ловушкам ума). «Тело» в поэтике А. Коробейщикова — антология смысла. Его герои учатся воспринимать любую информацию на уровне ощущений, извлекая из этого необходимые

знания и силу. Другими словами, в условиях городской охоты любая информация должна ощущаться нами физически. А это возможно, когда человек находится «в равновесии Иту и Тай», о чем и свидетельствует герой-тайшин Иту-Тай мастер Айрук: «ИТУ-ТАЙ невозможно обучаться или обучать ему. Эти силы должны сами выйти на поверхность нашего сознания. Нам нужно лишь научиться не препятствовать им».

«Иту» — метафорический паттерн, восходящий в мифопоэтике А. Коробейщикова к «Телу Зверя»; «Тай» — к «Телу Шамана». Равновесие обоих «тел» делает героя свободным, уподобляя его крылатому Грифону или Дракону (один из переводов «дракона» — «видящий»). А. Коробейщиков напоминает, что на Алтае и в Сибири образ дракона пересекся с образом крылатого Волка в древнеалтайской и праславянской мифологиях, а также — с образом Грифона в скифской мифологической традиции.

К «местам Силы» и «предметам Силы» городской охотник А. Коробейщикова прибавляет «танец Силы», танец свободы — некое действие-состояние, которое может быть метафорической аналогией поведения «проснувшегося» охотника (на языке автора — «вернувшего себе альфа-ритм»): «Древние шаманы считали, что тело желает жить, и поэтому оно стремится испытывать этот мир, пропуская его через себя. Выбрав суррогатную жизнь в виртуальном пространстве, человечество запретило телу получать то, что ему необходимо, и поэтому рано или поздно тело разрывает свои собственные границы, пытаясь слиться с окружающим величием, разрушая стены нашего виртуального кинотеатра».